

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.12.6>

Струк Анна Андреевна

ВОСПРИЯТИЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В ПУБЛИЦИСТИКЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ЭМИГРАЦИИ

Статья вводит в научный оборот редкие и архивные материалы о личности и творчестве Ф. М. Достоевского, опубликованные в изданиях русской эмиграции в Харбине (Китай). Предпринимается попытка выявить специфику восприятия личности и творчества Ф. М. Достоевского в среде дальневосточной эмиграции. Ведущими тенденциями, характеризующими восприятие личности и творчества Ф. М. Достоевского в дальневосточной эмиграции, являются попытки выявить сущность "русской идеи" Достоевского, акцент на "содержательную эстетику" при интерпретации произведений писателя, опора на авторитет Достоевского в идеологической полемике с советскими оппонентами.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/12/6.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 12. С. 35-39. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/12/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

**THEME OF RETRIBUTION FOR PRIDE
IN L. N. TOLSTOY'S ARTISTIC INTERPRETATION**

Sizova Irina Igorevna, Ph. D. in Philology

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow
u_sizova@bk.ru

For the first time, the article examines L. N. Tolstoy's artistic interpretation of the theme of retribution for pride. The study is based on the biographical material, rough copies of <Dramatic Adaptation of the Legend of Haggai> (1879-1880, 1886). Relying on the works of P. M. Stroev, A. N. Pypin, A. N. Afanasyev, M. F. Shugurov, A. N. Veselovsky, the author systematizes the existing publications on this issue and printed versions of the Legend about Tsar Haggai. The paper introduces previously unknown sources into scientific use: The Story of the Proud Tsar Evinian, the Ukrainian tale "Proud Tsar", "Christmas Drama" of Saint Dimitry of Rostov, drama "Saint Alexius". Textological reconstruction of literary genesis of Tolstoy's first folk drama has allowed the researcher to describe the writer's creative method, to analyse poetical peculiarities of the work and to explain why Tolstoy's first two works of the folk drama genre remained unfinished.

Key words and phrases: Leo Tolstoy; <Dramatic Adaptation of the Legend of Haggai>; poetics; literary source; The Story of Tsar Haggai; The Story of the Proud Tsar Evinian; Ukrainian tale "Proud Tsar"; "Christmas Drama" of Saint Dimitry of Rostov; drama "Saint Alexius"; genre features of folk drama.

УДК 821.161.1

Дата поступления рукописи: 04.11.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.12.6>

Статья вводит в научный оборот редкие и архивные материалы о личности и творчестве Ф. М. Достоевского, опубликованные в изданиях русской эмиграции в Харбине (Китай). Предпринимается попытка выявить специфику восприятия личности и творчества Ф. М. Достоевского в среде дальневосточной эмиграции. Ведущими тенденциями, характеризующими восприятие личности и творчества Ф. М. Достоевского в дальневосточной эмиграции, являются попытки выявить сущность «русской идеи» Достоевского, акцент на «содержательную эстетику» при интерпретации произведений писателя, опора на авторитет Достоевского в идеологической полемике с советскими оппонентами.

Ключевые слова и фразы: дальневосточная эмиграция; харбинские издания русской эмиграции; газета «Заря»; газета «Русское слово»; русская эмиграция в Китае; Ф. М. Достоевский; А. К. Горский (Горностаев).

Струк Анна Андреевна

Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск
anna.struk88@yandex.ru

**ВОСПРИЯТИЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО
В ПУБЛИЦИСТИКЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ЭМИГРАЦИИ**

*Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ),
проект № 19-012-00380.*

Обращение к творчеству выдающихся русских писателей второй половины XIX века является одним из важнейших направлений эстетической мысли дальневосточной эмиграции. Статьи, посвященные творчеству А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, регулярно появлялись на страницах газет «Заря», «Рупор», «Русское слово», «Рубеж» и других периодических изданий русской эмиграции на Дальнем Востоке. Рефлексия о русской литературе выступала важнейшим способом сохранения культурной идентичности, а также реализации особой духовно-нравственной миссии, которую видела перед собой эмигрантская интеллигенция, – сохранение и трансляция традиционных ценностей русской культуры, религии, искусства.

Интерес к личности и творчеству Ф. М. Достоевского, существовавший среди представителей русского зарубежья Дальнего Востока, нашел отражение в серии литературно-критических публикаций. **Актуальность** исследования определяется необходимостью осмысления литературно-критического наследия русской эмиграции в Харбине, без которого невозможно восстановление полной картины культурной жизни и духовных интересов русской эмиграции XX века.

Научная новизна исследования обусловлена обращением к редким и архивным материалам о личности и творчестве Ф. М. Достоевского, опубликованным в изданиях русской эмиграции в Харбине (Китай). Материалом исследования послужили 10 статей, посвященных Ф. М. Достоевскому, из газет «Заря» и «Русское

слово» за 1930-1940-е годы, а также монография А. К. Горского (Горностаева) «Рай на земле: к идеологии творчества Ф. М. Достоевского. Ф. М. Достоевский и Н. Ф. Федоров», изданная в Харбине в 1929 году.

Цель работы – выявление своеобразия восприятия личности и творчества Ф. М. Достоевского в публицистическом наследии дальневосточной эмиграции.

Задачи ставятся следующим образом: рассмотреть тематику и проблематику публикаций дальневосточной эмиграции, посвященных Ф. М. Достоевскому и очертить круг вопросов, представлявших наибольший интерес для эмигрантов; выявить специфику аналитического подхода авторов публикаций о Достоевском к биографии и творчеству писателя; попытаться сформулировать основные тенденции, характеризующие восприятие личности и творчества Ф. М. Достоевского в среде дальневосточной эмиграции.

Серия публикаций, посвященных Ф. М. Достоевскому, появляется на страницах харбинских газет «Заря» и «Русское слово» в 1930-1940-х годах. Как правило, это статьи, приуроченные к 50- и 60-летию со дня смерти Ф. М. Достоевского: В. Н. Иванов «За чтением Достоевского» [6, с. 1], С. П. «Не должно отчаиваться. К 50-летию со дня смерти Ф. М. Достоевского» [14, с. 4], Д. Невский «Ф. М. Достоевский и Н. Ф. Федоров. К 60-летию со дня смерти великого писателя» [10, с. 3] (в случае неполных инициалов или использования псевдонима полное имя автора не представляется возможным установить. – А. С.).

На страницах «Зари» о Достоевском писали Д. Невский, П. М. Пильский, Н. С. Резникова, Г. Г. Сатовский-Ржевский, А. А. Яблоновский, С. Яворский. В «Русском слове» о Достоевском были опубликованы статьи митрополита Антония, В. Н. Иванова, С. П.

Самым крупным явлением, связанным с именем Достоевского, становится издание в 1929 году в Харбине монографии А. К. Горского (под псевдонимом А. К. Горностаев) «Рай на земле: к идеологии творчества Ф. М. Достоевского. Ф. М. Достоевский и Н. Ф. Федоров». Сегодня монография А. К. Горского относится к редким изданиям русского зарубежья. Александр Константинович Горский (1886-1943) – поэт, публицист, представитель религиозно-мистического направления философии Серебряного века, последователь и популяризатор идей Н. Ф. Федорова. А. К. Горский не был эмигрантом, но поддерживал связь с эмигрантской средой, его труды издавались за рубежом и вызывали отклик в эмигрантских кругах, в частности в среде дальневосточной эмиграции. В книге «Рай на земле...» Горский рассматривает влияние философии Н. Ф. Федорова на творчество и мировоззрение Ф. М. Достоевского.

Ф. М. Достоевский познакомился с идеями Федорова в 1877 году, в период работы над романом «Братья Карамазовы» и «Дневником писателя». Объектом анализа в монографии А. К. Горского становится отражение федоровских идей «преодоления смерти» и «воскрешения умерших» в позднем творчестве Достоевского, в частности в романе «Братья Карамазовы». Книга Горского о Достоевском по ряду вопросов совпадает с проблематикой, актуальной для эмигрантской печати. Горский формулирует проблему следующим образом: суть литературной деятельности Достоевского сводится «к вечному угадыванию и уловлению не дающей в руки “великой мысли”, неродившейся “русской идеи”» [3, с. 8]. Сущность «русской идеи» и рефлексия на эту тему становятся одной из центральных отправных точек для восприятия творчества Достоевского в печати дальневосточной эмиграции. «Русская идея» становится своеобразным «проклятым вопросом», а Достоевский мыслится как единственный писатель, дающий возможность хоть немного приблизиться к разгадке таинственной «русской идеи».

А. К. Горский указывает на огромное значение творческого наследия Ф. М. Достоевского для формирования русской религиозной философии. Идеиное содержание творчества Достоевского совпадало с контекстом нравственно-философских и культурно-исторических исканий русской религиозной философии. «Основная... тема русской религиозной мысли... может быть обозначена всего четырьмя словами: “Царствие Божие на земле”» [Там же, с. 17]. Духовно-нравственный идеал Достоевского, возможность его воплощения и идеи, на основе которых писатель конструирует художественный образ «рая на земле», – вот предмет анализа А. К. Горского.

Как ученика и последователя Н. Ф. Федорова, Горского интересует, в первую очередь, какую модель восприятия смерти Достоевский демонстрирует в своих произведениях. Проблема смерти – одна из краеугольных для федоровской философии. Критику Горского вызывает «рай на земле», изображенный Достоевским в рассказе «Сон смешного человека» (1877 г.), за наличие в описании идиллического земного рая смерти, причем изображенной как естественный ход вещей: «У них почти совсем не было болезней, хоть и была смерть; но старики их умирали тихо, как бы засыпая, окруженные прощавшимися с ними людьми, благословляя их, улыбаясь им и сами напутствуемые их светлыми улыбками» [5, с. 114]. Также критике Горского подвергается образ Макара Долгорукого из романа «Подросток» (1875 г.) за проповедь смирения перед смертью. Горский отмечает противоречие взглядов Достоевского на смерть. С одной стороны, в своих произведениях Достоевский трактует смерть как насилие природы над человеком (в монографии приводится цитата из статьи Достоевского «Выставка в Академии художеств за 1860-1861 год» [4, с. 167] по поводу картины М. П. Клодта «Последняя весна» (1861 г.): «Сама по себе смерть отвратительное дело, но ожидание ее гораздо еще отвратительнее» [3, с. 30]). С другой – проповедь смирения перед смертью, демонстрируемая Достоевским в художественных произведениях. В свете подобного противоречия необычную оценку Горский дает персонажам, традиционно интерпретируемым как воплощение авторского идеала: князю Мышкину и Макару Долгорукому.

«Христианство – есть объединение живущих для воскрешения умерших», – цитирует Горский «Философию общего дела» [Там же, с. 74]. С точки зрения А. К. Горского, в позднем творчестве Ф. М. Достоевский

приблизился к разрешению этого противоречия, и «русская идея», «новое слово» Достоевского – это не что иное, как признание Достоевским истинности философии Н. Ф. Федорова. По Горскому, смысл будущей Алешинной деятельности и «Илюшиного братства» – воплощение программы Федорова. Таким образом, Алеша Карамазов, по мысли Горского, в будущем станет деятелем человечества, посвятившим свою жизнь наступлению и приближению «Царства Божия на земле».

«Рай на земле необходим, но рай при наличности смерти нелеп и невозможен; однако нет смерти вечной (абсолютной), а уничтожение временной есть наше дело и наша задача. ...это и есть “новое слово” России, новое слово Достоевского» [Там же, с. 86], – резюмирует свою работу Горский.

Исследование, посвященное творчеству Достоевского, планировалось в двух частях, причем во второй части анализу должны были подвергнуться «мышковщина и смердяковщина», но в итоге свет увидела только первая часть. «По замыслу автора печатаемая книга должна была явиться только первой частью намеченного им исследования. Мы не знаем, была ли осуществлена вторая часть и, если она написана, то где она находится сейчас» [Там же, с. 3], – примечание издателя.

Непосредственным откликом на работу Горского становится статья Дм. Невского «Ф. М. Достоевский и Н. Ф. Федоров. К 60-летию со дня смерти великого писателя» [10, с. 3]. Автор статьи ссылается на Горского и приходит к выводу, что «Ф. М. Достоевский был знаком с учением Н. Ф. Федорова и оно, несомненно, оказало на него сильное влияние. Факта этого нельзя не учитывать при изучении последних творений нашего величайшего писателя и попыток формулировать ту “русскую идею”, которая смутно грезилась его прощескому сознанию...» [Там же].

Материалы о Достоевском на страницах эмигрантской прессы носят публицистический характер; ряд статей посвящен личности Ф. М. Достоевского, его семье, отношениям с женщинами, затрагивает вопросы интимного или «скандального» характера. Примерами подобных публикаций можно назвать следующие: П. М. Пильский «Как убили отца Ф. М. Достоевского. Был ли отец Достоевского развратником и пьяницей?» [11, с. 5]; Н. С. Резникова «Необычайное в жизни великих людей» [12, с. 2] (история о походе Вс. С. Соловьева и Ф. М. Достоевского к гадалке Фильд, написанная по воспоминаниям Вс. Соловьева); Н. С. Резникова «Очерк о Достоевском для “Зари”» (очерк представляет собой, по словам автора, «лишь беглые мысли о великом писателе, на которые натолкнул нас дневник А. П. Суловой “Годы близости с Достоевским”» [13, с. 4]).

С. Яворский в статье «Достоевский за работой» описывает неповторимую творческую манеру Ф. М. Достоевского: «Чрезвычайно страстный по натуре человек, он перенес эту страстность и на свой писательский труд. Его непосредственная работа над своими сочинениями отличалась необычайной энергией, увлечением и даже каким-то азартом. Процесс творческого труда обычно захватывал целиком все его сознание, всего его самого: окружающий мир тогда переставал существовать». Свои романы Достоевский писал, испытывая «огромное нервное напряжение, горячась и волнуясь», страдая «от переизбытка творческих сил, изнемогал в борьбе с собственной фантазией» [17, с. 4].

В целом, на наш взгляд, восприятие творчества Ф. М. Достоевского в публицистике дальневосточной эмиграции характеризуется следующими тенденциями:

1. Центральной проблемой для литературно-критической публицистики дальневосточной эмиграции, посвященной Достоевскому, становятся попытки постижения, «в чем заключается пресловутая русская идея», о которой «пророчит Достоевский» [3, с. 10]. Мессианские идеи Достоевского, опосредованные в традиции русской религиозной философии, становятся предметом напряженной рефлексии. В условиях культурной изоляции и при попытках сохранить в изгнании духовные традиции и преемственность с русской классической литературой Достоевский начинает восприниматься как часть мифа о потерянной России. «Самый русский из наших писателей и самый православный среди русских», – пишет митрополит Антоний о Достоевском [1, с. 4]. Имя Достоевского связывается с попытками сформулировать русскую национальную идею, обозначить культурное своеобразие, охарактеризовать русский характер и менталитет. С «русской идеей», в первую очередь, связывают имя Достоевского А. К. Горский, Г. Г. Сатовский-Ржевский, А. А. Яблоновский.

2. Для восприятия творчества Достоевского в среде дальневосточной эмиграции характерна принципиально иная расстановка акцентов при интерпретации произведений Достоевского по сравнению с советской критикой. В советском литературоведении к 30-40-м годам сложилась богатейшая научная традиция изучения творчества Достоевского, достаточно назвать имена Л. П. Гроссмана, М. М. Бахтина, В. С. Нечаевой, А. П. Скафтымова, В. Л. Комаровича, В. В. Виноградова, К. В. Мочульского, В. С. Дороватовской-Любимовой и других ученых. Однако доминирующим в науке был социологический подход к творчеству Достоевского, при котором в положительном ключе воспринималась социальная проблематика произведений Достоевского, его сочувствие «униженным и оскорбленным», непревзойденное мастерство реалиста в изображении жизни людей низших социальных слоев. При этом «реакционными» провозглашались религиозные идеалы и консервативная политическая позиция Достоевского. Подобная, образцовая для советской критики, оценка творчества Достоевского дана, например, в работе А. В. Луначарского [8].

В публицистике дальневосточной эмиграции, напротив, особое внимание уделяется содержательной эстетике [2] творчества Достоевского: религиозным и философским, «историсофским» взглядам Достоевского, его «тайновидению души человеческой», предпринимаются попытки анализа «мистического» дара писателя, Достоевский описывается как «пророк», «предчувствования» [10, с. 3] которого удивительным образом сумели предвосхитить события XX века.

Важнейшим достоинством Достоевского провозглашается его напряженный духовный поиск, отмечается роль его творчества в сохранении и популяризации духовных ценностей национальной русской культуры и православной веры. В этом смысле эмигрантская литературная критика предвосхищает современную «духовную» традицию в литературоведении и русскую религиозную критику.

Негативную оценку в критике дальневосточной эмиграции получает «небрежный стиль» писателя, его «национализм», «пристрастные» и «несправедливые» отзывы об иностранцах, его «жестокий талант», заставляющий читателя «страдать вместе с героями» [Там же].

3. Отличительной чертой эстетической критики дальневосточной эмиграции является ярко выраженная антибольшевистская риторика. Оценка творчества Достоевского в том числе приобретает полемическое звучание и активно используется в идеологической борьбе с советскими идейными оппонентами. В подобных условиях самыми актуальными для авторов «Зари» и «Русского слова» текстами выступают романы «Бесы» и «Братья Карамазовы». Интересно, что раннее творчество Достоевского, романы «Записки из подполья», «Преступление и наказание», «Идиот» не входят в круг интересов эмигрантов, не упоминаются и не подвергаются анализу в публицистике.

Роман «Бесы» воспринимается и интерпретируется как сбывшееся пророчество, советским партийным деятелям дается характеристика как «воплощенным типам» из романа «Бесы», читатели романа «Бесы» должны были «узнавать» А. В. Луначарского и М. Горького в типах Петра Верховенского, капитана Лебядкина и т.д. [16, с. 3]. Роман-памфлет, изображающий торжество нигилистических и радикальных идей в среде русской интеллигенции как «беснование» и одержимость, находит широкое сочувствие и получает пророческий статус откровения в эмигрантской критике. Достоевский в «Бесах», «Братьях Карамазовых» и отдельных записях «Дневника писателя» предсказывал надвигающуюся катастрофу, которая вылилась в войны и революцию. События и деятели революции и Гражданской войны получают экспрессивную оценку, публицисты эмиграции пишут о «сатанизме революции», «демонах революции» [Там же]. Советскому обществу дается следующая характеристика: «...нет и не может быть в их обществе уважения к Личности, и они сделают все возможное и все невозможное, чтобы выгнать из России Бога и заменить его политической, партийной полицией» [Там же].

Роман «Братья Карамазовы» оценивается в эмигрантской критике как произведение, предвосхитившее исторические события XX века, торжество «зверских» материалистических концепций и социальных теорий, «богоборчество», вскрывшее не только антиномичность русского духа, но и человечества вообще [10, с. 3].

Таким образом, можно сделать **вывод** о существовании особой специфики восприятия личности и творческого наследия Ф. М. Достоевского в эмигрантской среде дальневосточного зарубежья. Обращаясь к анализу творческого опыта выдающихся писателей XIX века, публицисты дальневосточной эмиграции затрагивали актуальные в условиях «изгнания» темы утраченной родины, духовного своеобразия русской культуры, темы глобальных кризисов, потрясших и расколовших русское общество в XX веке. Литературно-критический подход к художественным текстам в публицистике дальневосточной эмиграции предваряет современную «духовную» критику. Сфера интересов эмигрантской публицистики, важное место в которой занимает восприятие творчества Ф. М. Достоевского, отражает попытки сохранить внутреннюю связь с исторической традицией русской литературы.

Список источников

1. **Антоний.** (Храповицкий А. П.) Митрополит Антоний о Достоевском // Русское слово. 1933. 19 ноября.
2. **Бахтин М. М.** Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
3. **Горностаев А. К.** Рай на земле: к идеологии творчества Ф. М. Достоевского. Ф. М. Достоевский и Н. Ф. Федоров. Харбин: Маньчжурская книготорговля, 1929. 87 с.
4. **Достоевский Ф. М.** Полное собрание сочинений: в 30-ти т. / под ред. В. Г. Базанова, В. В. Виноградова и др. Л.: Наука, 1979. Т. 19. 359 с.
5. **Достоевский Ф. М.** Полное собрание сочинений: в 30-ти т. / под ред. В. Г. Базанова, В. В. Виноградова и др. Л.: Наука, 1983. Т. 25. 470 с.
6. **Иванов В. Н.** За чтением Достоевского // Русское слово. 1931. 1 мая.
7. **Иванов В. Н.** Под выюгой жизни. Памяти Ф. М. Достоевского // Заря. 1931. 12 февраля.
8. **Луначарский А. В.** Ф. М. Достоевский // Луначарский А. В. Очерки по истории русской литературы. М.: Худож. лит., 1976. С. 361-396.
9. **Макаров В. Г.** Архивные тайны: философы и власть. Александр Горский: судьба, покалеченная «по праву власти» // Вопросы философии. 2002. № 8. С. 98-133.
10. **Невский Д. Ф. М.** Достоевский и Н. Ф. Федоров. К 60-летию со дня смерти великого писателя // Заря. 1941. 16 февраля.
11. **Пильский П. М.** Как убили отца Ф. М. Достоевского. Вспыльчивый помещик. В маленькой московской квартире. Был ли отец Достоевского развратником и пьяницей // Заря. 1940. 27 марта.
12. **Резникова Н. С.** Необычайное в жизни великих людей // Заря. 1942. 3 марта.
13. **Резникова Н. С.** Ф. М. Достоевский. Литературный очерк для «Зари» // Заря. 1943. 9 марта.
14. **С. П.** Не должно отчаиваться. К 50-летию со дня смерти Ф. М. Достоевского // Русское слово. 1931. 10 февраля.
15. **Саатовский-Ржевский Г. Г.** Три пророка // Заря. 1936. 20 марта.
16. **Яблоновский А. А.** Старый спор славян // Заря. 1933. 14 июня.
17. **Яворский С. Ф. М.** Достоевский за работой. Статья для «Зари» // Заря. 1940. 16 октября.

PERCEPTION OF F. M. DOSTOEVSKY
IN PUBLICISM OF THE FAR EASTERN EMIGRATION

Struk Anna Andreevna

Pacific National University, Khabarovsk
anna.struk88@yandex.ru

The article introduces rare and archival materials on F. Dostoevsky's personality and creative work published in the Russian émigré periodicals in Harbin (China) into scientific use. The paper aims to identify the specificity of perceiving F. M. Dostoevsky's personality and creative work in the Russian émigré community in China. Among the basic tendencies in the perception of Dostoevsky's personality and creative work in the Russian émigré community in China, the author identifies the following ones: attempts to reveal the essence of Dostoevsky's "Russian idea", accent on "meaningful aesthetics" when interpreting the writer's works, appeal to Dostoevsky's authority in ideological polemics with the Soviet opponents.

Key words and phrases: Russian émigré community in China; Russian émigré periodicals in Harbin; "Zarya" newspaper; "Russkoye Slovo" newspaper; Russian emigration in China; F. M. Dostoevsky; A. K. Gorsky (Gornostaev).

УДК 821.161.1

Дата поступления рукописи: 01.10.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.12.7>

В статье рассмотрены повесть «Эфирный тракт» Андрея Платонова и роман «Гиперболоид инженера Гарина» Алексея Толстого. Исследованы особенности изображения типа инженера-преобразователя в утопической литературе 1920-х годов. При помощи сравнительно-типологического метода анализа делается попытка раскрыть образы Матиссена и Гарина в контексте антиутопии. В результате работы автор доказывает, что основное различие в мировоззрении героев заключается в двойственности научных открытий. Выявленные особенности подводят к выводу о преобразении утопии в антиутопию как в «Эфирном трактате», так и в «Гиперболоиде инженера Гарина».

Ключевые слова и фразы: научная фантастика; утопия; «Эфирный тракт»; «Гиперболоид инженера Гарина»; Андрей Платонов; Алексей Толстой, тип инженера-преобразователя.

Хейдари Марзийе

Московский педагогический государственный университет
heidarimarzieh@yahoo.com

ТИП ИНЖЕНЕРА-ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЯ
В ДВУХ НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ 20-Х ГГ. XX ВЕКА
«ЭФИРНЫЙ ТРАКТ» И «ГИПЕРБОЛОИД ИНЖЕНЕРА ГАРИНА»

По мнению литературоведов, в 1920-х годах сосуществовали литература советская и литература русского зарубежья. Советские писатели мечтали переделать мир в пользу человека, а изгнанники делали попытку сохранить и поддерживать культурные ценности прошлого. Именно в творчестве советских писателей больше встречаются утопические мотивы.

Л. Геллер писал, что для писателей 1920-х годов утопия стала не просто жанром, а формой сознания. Идеями данного направления в целом прониклась вся литература, в которой «с завидным постоянством появлялись произведения на тему "войны во имя грядущих свершений", четко прослеживалась идея "борьбы нового со старым", повествовалось о "большевике в кожаной куртке", перенесенном на тысячелетие вперед» [2, с. 61]. По мнению Геллера, практически все современные темы того периода были отмечены утопическими эпизодами и картинками. Данный аспект можно отметить в творчестве многих поэтов и писателей (В. Маяковский, В. Хлебников и т.д.). Нашли свое воплощение утопические идеалы и в произведениях А. Платонова и А. Толстого.

Е. С. Долгина отмечает, что «человеческая потребность к воплощению утопических идеалов находит свое отражение в мире фантастики». Функцией этого жанра стало художественное воплощение социальных противоречий. При этом их разрешение находится в рамках действительности. Фантастика предлагает свой мир как единственно возможную реальность, и данный факт особенно выражен в утопической литературе [3, с. 32].

Научная фантастика 1920-х годов напрямую взаимосвязана с идеями утопизма. Характерной для данного периода является реалистичность «фантастических» образов, они перемещаются в категорию «потенциально возможного». Само понятие «фантастика» трактуется довольно широко, под ним зачастую понимают художественный специфический метод отображения реальности. При этом всё, существующее в действительности, сочетается с событиями или предметами несуществующими [8, с. 321].

В научно-фантастических произведениях авторы демонстрировали последствия техногенных катастроф, описывали изобретения ученых, желающих кардинальным образом изменить мир. Центральный персонаж –